

Джозефина Тэй

УБИЙЦА В ТОЛПЕ,
ИЛИ
ЧЕЛОВЕК ИЗ ОЧЕРЕДИ
♦
ШИЛЛИНГ НА СВЕЧИ
♦
ДЕЛО О ПОХИЩЕНИИ
БЕТТИ КЕЙН

Издательство «Иностранка»
МОСКВА

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44
Т 96

Перевод с английского
Елены Бросалиной, Натальи Ильиной
Серийное оформление Вадима Пожидаева
Оформление обложки Ильи Кучмы
Издание подготовлено при участии издательства «Азбука».

ISBN 978-5-389-22777-4

© Е. К. Бросалина (наследник), перевод, 2023
© Н. И. Ильина (наследник), перевод, 2023
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“», 2023
Издательство Инностранка®

УБИЙЦА В ТОЛПЕ,
ИЛИ
ЧЕЛОВЕК ИЗ ОЧЕРЕДИ

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Убийство

Был мартовский вечер. Между семью и восемь у театров по всему Лондону установили турникеты, закрывавшие доступ на галерку и в партер. «Бах, трах, бум» — звуки далеко не мелодичные, но они служили прелюдией к будущим представлениям, и для всех истомленных поклонников Феспсиса и Терпсихоры, выстроившихся в колонны по четыре у врат обетованных, будь то последний бродяжка, не было ничего слаще этих звуков. Такое, правда, наблюдалось не везде. Возле театра «Ирвинг» всего пять человек расположились на ступеньках у входа, явно предпочитая комфорт теплу внутреннего закутка у кассы: греческая трагедия в этом сезоне была явно не в моде. Плейбокс-театр посещали исключительно снобы, которые к галерке относились с пренебрежением. Однако возле театра «Уоффингтон» две живые цепочки вились, загибались и, казалось, уходили в бесконечность. Уже давно величественный служитель прошел вдоль очереди и, жестом простертой длани отсекая все надежды, произнес сакраментальную фразу: «Отсюда и дальше — только стоячие места».

Итак, одним сокращением дельтовидного мускула отделив овсы от плевел, он с олимпийским спокойствием проследовал сквозь зеркальные двери в ласковый уют вестибюля. Однако из длинной очереди никто не ушел. Тех, кому предстояло провести на ногах следующие три часа, казалось, ничуть не опечалило выпавшее на их долю испытание. Они болтали и смеялись, поддерживая свои силы ломтиками шоколада в серебряных обертках. Только стоячие места? Подумаешь! Можно и постоять ради удовольствия еще раз увидеть «А вы и не знали?» — мюзикл, родимый лондонский мюзикл, который не сходил с подмостков

целых два года, а теперь шел последнюю неделю. Исполнял свою, можно сказать, лебединую песнь!

Места в кресла и ложи были раскуплены давным-давно, и масса наивных девиц, не привыкших к очередям, толпилась у закрытого входа, поскольку на этот раз никакие подкупы и соблазны на кассиров не действовали. Казалось, весь Лондон жаждал попасть в «Уоффингтон», чтобы сегодня еще раз устроить овации своим кумирам; услышать, что нового вставит в свой каскад дурачеств Голли Голан — тот самый Голан, которого недавно извлек из провинциального небытия отважный менеджер и который, получив шанс стать известным, использовал его сполна. О, и еще раз погреться в лучах веселья и красоты, исходивших от Рей Маркейбл — этой кометы, внезапно появившейся на театральном небосклоне два года назад и стремительно взлетевшей к зениту славы, затмив всех прочих, известных и незаменимых; Рей, которая кружилась и танцевала, как листок, подхваченный ветерком; чья легкая улыбка Моны Лизы за шесть месяцев положила конец рекламной моде на белозубый оскал. Критики писали о ее «непередаваемом обаянии»; ее горячие поклонники тем не менее пытались его передать каждый по-своему, прибегая к жестам и гримасам, когда не хватало слов. И вот теперь она, как и многое другое из старой доброй Англии, уплывала в Америку. Два года она пробыла с ними, и без нее Лондон покажется безводной пустыней! Да тут согласишься стоять хоть целую вечность — лишь бы увидеть ее еще в последний раз!

Уже с пяти вечера начало моросить, и время от времени легкий пронзительный ветерок, подхватывая морось, будто взмахом кисти опрыскивал всю очередь от начала до хвоста. Однако и это обстоятельство никого не обескураживало: погода явно вела себя несерьезно, и легкий дождик воспринимался как терпкий аперитив перед предстоящим пиршеством для зрения и слуха. Люди поживались, шевелили пальцами ног и, как полагается истым кокни, использовали любую возможность поразвлечься, какую только предоставляла узкая, словно ущелье, улица.

Сначала появились мальчишки-газетчики, верткие, с худенькими личиками и не по-детски настороженными глазами. Они промчались вдоль очереди как степной пожар и исчезли, оставив после себя обрывки реплик и шелест газетных страниц. Потом

появился маленький уродец, с ногами короче туловища. Расстелив серенький коврик на мокрой мостовой, он принялся завязывать себя в немыслимые узлы, пока наконец не стал напоминать застигнутого врасплох съездившегося паука: его глаза вдруг зыркали на очередь из совершенно неожиданных мест, и от этого даже у самых нечувствительных мороз бежал по коже. За ним последовал скрипач — исполнитель популярных мелодий, который, судя по всему, пребывал в счастливом неведении, что одна из басовых струн у него брала на полтона ниже. Вслед за ним появились одновременно исполнитель чувствительных романсов и нестройный оркестр из трех человек. Минуту-две они мерили друг друга недружелюбными взглядами, после чего певец, действуя по принципу «кто смел, тот и съел», с места в карьер жалобно затянул «Все оттого, что ты пришла ко мне». Но тут глава оркестрика передал гитару подручному и, широко расставив локти и вытянув руки перед собой, направился к тенору выяснять отношения. Тенор попытался было выразить свое полное пренебрежение тем, что продолжал петь и глядел поверх головы оркестранта. Однако вскоре обнаружил, что это довольно трудно, поскольку музыкант был выше его на полголовы и держался весьма нахально. Бедняга умудрился пропеть еще две фразы, после чего неуверенно смолк и завершил выступление горькими жалобами, перейдя на вполне прозаическую речь, а минутой спустя, извергая угрозы и проклятья, исчез в темной аллее. Оркестранты, не теряя времени, рванули с ходу самую популярную танцевальную мелодию. Поскольку она более соответствовала современным вкусам, чем неуместное обращение к выцветшим сантиментам прошлого, все тут же забыли о несчастной жертве насилия над личностью и принялись притопывать в такт. После оркестра, сменяя друг друга, публику развлекали проповедник-евангелист, а также человек, который сперва разрешал завязывать себя внушительными веревками и со впечатляющей ловкостью тут же от них освобождался. Каждый, отработав свой номер, следовал дальше, но перед уходом проходил вдоль всей очереди от головы до хвоста, время от времени просовывая в редкие просветы между плотно стоявшими людьми свой истрепанный, но обладавший магической силой преодолевать все преграды головной убор, прочувствованно повторяя: «Спасибо вам! Спасибо!

Еще раз спасибо!» — призыв, которому надлежало расположить публику к щедрым пожертвованиям. Продавцы сладостей, спичек, игрушек, торговцы открытками — каждый со своим товаром — успешно заполняли паузы между отдельными номерами этой развлекательной программы.

Очередь добродушно расставалась со своими пенсами, вполне довольная немудреным развлечением. Но вот трепет пробежал по толпе — трепет, который искушенному зрителю был прекрасно знаком и мог означать лишь одно. Складные скамеечки и стульчики были моментально убраны, свертки с едой исчезли, и появились кошельки. Двери наконец-то растворились. Начиналась захватывающая, увлекательная игра. Что сулило им сегодня заветное окошечко кассы: победу — то есть билет — или же поражение? Где-то впереди, у самой головы очереди, напряжение выросло настолько, что на минуту-другую основной инстинкт, призывающий англичанина всегда знать свое место, был забыт, — я здесь вполне сознательно говорю именно об англичанах, потому что шотландцу это чувство просто незнакомо, — и очередь утратила свой математический расчет на «первый — второй». Произошла небольшая давка, незаметная на первый взгляд концентрация сил, пока наконец очередь перед турникетом не приняла вид однородной, тяжело дышащей массы. Звяканье опускаемой в прорезь монетки означало, что впуск продолжается и что очередной счастливцев переступил порог рая. Один этот звук заставлял стоящих сзади бессознательно напирать сильнее, пока передние не стали протестовать во всю силу своих сдавленных легких и полицейскому не пришлось пройтись вдоль очереди, увещевая чересчур нетерпеливых: «Подайте-ка назад. До начала еще пропасть времени. Напирать бессмысленно, это ничего не даст. Соблюдайте порядок!» Время от времени вся очередь делала небольшой рывок вперед — это происходило, когда счастливцы, стоявшие первыми, по двое и по трое откатывались от нее, как бусины разорванной нитки. Но случались и неожиданные задержки. Вот какая-то толстуха замешкалась и шарит в кошельке. Дуреха. Не могла, что ли, заранее приготовить нужную сумму!

Будто почувствовав, что вызывает всеобщее негодование, женщина обернулась к стоявшему позади мужчине и раздраженно сказала:

— Эй, перестаньте толкаться, уважаемый! Неужели даме нельзя спокойно достать сумку? Обязательно надо ее пихнуть!

Но человек, к которому были обращены эти слова, остался глух и нем. Голова его свесилась на грудь, и негодующий взгляд женщины уперся в верхушку его мягкой фетровой шляпы. Она фыркнула, резко отвернулась от него, шагнула к окошечку и выложила деньги, которые перед этим так долго считала. В тот же момент мужчина неожиданно осел на колени, так что стоявшие за ним едва не попадали, и тут же медленно повалился вниз лицом.

— Да ему плохо, — произнес кто-то, но с места не сдвинулся ни один.

В наши дни инстинкт самосохранения, призывающий ни во что не вмешиваться, находясь в толпе, стал столь же ярко выраженным, как общеизвестное свойство хамелеона в минуту опасности менять окраску. Может, кто-нибудь его знает? Но нет, таковых не нашлось. И все-таки отыскался человек — то ли более сознательный, то ли с бóльшим чувством ответственности, — который решился подойти к упавшему, чтобы оказать помощь. Он уже наклонился было к нему, но замер и вдруг отпрянул, будто его укусили. Трижды над толпой прозвучал истерический женский крик — и пыхтящая, напиральная очередь внезапно застыла в полной неподвижности.

Тело мужчины осталось одиноко лежать на мостовой, отчетливо видное в ярком круге электрического света, падавшего с крыши театра. И тот же безжалостный свет холодно блестел на маленьком серебряном предмете, косо торчавшем из серого твидового пальто.

На рукоятке кинжала.

Полицейский, утихомиривавший очередь, появился даже прежде, чем кто-то вспомнил о полиции. При первом же женском вопле он поспешил от хвоста очереди. Он знал: так кричат лишь в одном-единственном случае — при виде внезапной смерти. Полицейский постоял, огляделся по сторонам, потом склонился над телом, осторожно повернул к свету голову упавшего, вернул ее в прежнее положение и, выпрямившись, проговорил, обращаясь к человеку в окошечке:

— Вызовите «скорую» и позвоните в участок.

Потом обвел несколько ошарашенным взглядом всю очередь и спросил:

— Кто-нибудь знает этого джентльмена?

Нет; заявить о своей хотя бы отдаленной причастности к тому, кто сейчас тихо лежал на мостовой, желающих не нашлось.

Позади этого человека стояла солидная супружеская чета, видимо из пригорода. Сквозь тихие стоны женщина монотонно повторяла одну и ту же фразу:

— О Джимми! Поедем домой! Скорее поедем домой!

По ту сторону турникета толстая женщина будто окаменела; ее рука в черной нитяной перчатке сжимала вожделенный билет, а она, судя по всему, и не помышляла о том, чтобы скорее занять место. «Человека убили!» Эта новость облетела очередь с быстротой пламени, охватывающего сухой подлесок. Толпу завертело и закружило, одни старались поскорее отойти подальше от того, что вконец испортило им все удовольствие; другие, наоборот, пробивались вперед, чтобы увидеть все своими глазами; третьи негодуяще боролись за то, чтобы удержать свое место в очереди, где простояли столько часов подряд.

— Поедем домой, Джимми! О, едем скорее домой!

— Думаю, пока это невозможно, дорогая, — проговорил наконец муж. — Придется подождать: вероятно, мы будем нужны полиции.

— Вы совершенно правы, сэр, — тут же отозвался полицейский. — Всем действительно нельзя уходить. Вот вы, шестеро, кто впереди, и вы, миссис, — обратился полицейский к толстухе, — оставайтесь каждый на своем месте. Остальные — проходите. — И он сделал знак, как постовой, направляющий движение транспорта в объезд сломавшегося автомобиля.

Супруга Джимми разразилась истерическими рыданиями, а толстуха наконец раскрыла рот и заявила, что пришла на спектакль и знать не знает этого человека. Те четверо, что стояли следом за супружеской парой, также обнаружили явное нежелание быть замешанными в неприятное дело, последствия которого трудно было предугадать, и тоже заявили, что абсолютно ничего не знают.

— Охотно верю, — ответил полицейский. — Но это вам предстоит объяснить в полицейском участке. Тут нет ничего страшного.

УБИЙЦА В ТОЛПЕ

го, — добавил он в утешение, хотя при данных обстоятельствах эта фраза прозвучала довольно неубедительно.

Очередь задвигалась снова. Швейцар притащил откуда-то зеленый занавес и накрыл им тело. Возобновились щелканье турникета и безучастный, как шум дождя, стук монет. Швейцар, в обычное время отчужденно молчавший, как Иона в брюхе кита, то ли проникшись сочувствием к шестерым допрашиваемым, то ли в надежде на некое вознаграждение, вызвался сохранить для бедняг сидячие места. Наконец появилась машина «скорой помощи», явились и представители закона из отделения полиции округа Гоубридж. Местный инспектор поговорил с каждым из семерых, записал их фамилии, адреса и, отпуская, предупредил, что их могут вызвать для дополнительных показаний. Джимми усадил свою рыдающую супругу в такси, а остальные пятеро озабоченно проследовали на места, которые стерег для них швейцар, и едва успели усесться, как поднялся занавес и началось вечернее представление пьесы «А вы и не знали?».

ГЛАВА ВТОРАЯ

Инспектор Грант

Старший инспектор уголовного отдела Скотленд-Ярда Баркер нажал наманикюренным пальцем на кнопку слоновой кости, что находилась под крышкой его рабочего стола, и не отпустил ее, покуда в кабинете не возник один из его бесценных поданных.

— Передайте инспектору Гранту, что мне необходимо его видеть, — сказал он вошедшему, который в присутствии высокого начальства изо всех сил старался держаться почтительно, но с достоинством. Однако увы: холодная вежливость и непрístupный вид старшего инспектора мало этому способствовали. Молодой человек дрогнул и, чтобы сохранить равновесие, был вынужден чуть отклониться назад в ужасе при мысли, что его орлиный нос мог быть истолкован как выражение крайней непочтительности. Удрученный неудачей, он отправился выполнять поручение, чтобы затем похоронить память о своем фиаско под кипами аккуратнейшим образом подшитых досье и копий документов — что и являлось, собственно, его непосредственной обязанностью. Инспектор же Грант меж тем вошел в кабинет шефа и непринужденно поздоровался — они были давними и добрыми приятелями. При виде его Баркер заметно повеселел.

Помимо таких обычных качеств, как преданность долгу, мужество и ум, у Гранта было перед коллегами одно неоспоримое преимущество: он нисколько не был похож на полицейского. Среднего роста, стройный, всегда безукоризненно одетый — я назвала бы его щеголем, если бы не была уверена, что это вызовет в вашем воображении некоего субъекта, начисто лишённого индивидуальности, наподобие портновского манекена, — но уж в чем в чем, а в недостатке индивидуальности Гранта никак нельзя было упрек-

нуть. Однако представьте, если можете, щеголя, нисколько не похожего на манекен, — и вы получите верное представление о Гранте. Баркер уже много лет как тщетно пытался перенять грантовский шик, но, увы, единственное, в чем он преуспел благодаря Гранту, так это в том, что стал похож на денди. Баркеру доставало вкуса в выборе модной одежды — так же, как и в отношении многого другого. Слепо и упорно следовать за кем-то было основным свойством его натуры: сам он никогда не проявлял инициативы. Это можно было считать его единственным недостатком. С другой стороны, если уж Баркер начинал за кем-то следовать, то этот кто-то вскоре понимал, что лучше бы ему вовсе на свет не родиться.

Сейчас Баркер с неподдельным удовольствием глядел на своего безмятежно улыбающегося, как летнее утро, подчиненного — сам он всю ночь промаялся с прострелом — и перешел к делу:

— В Губридже все носы повесили. И вообще им там, на Гоу-стрит, уже мерещится, будто против них целый заговор.

— Даже так? Их что, кто-нибудь решил серьезно проучить?

— Да нет, просто вчерашнее происшествие — уже пятое крупное дело на их участке за последние три дня. Они сыты по горло и хотят, чтобы вчерашнее дело мы взяли на себя.

— А что там стряслось? Случай в очереди у театра, да?

— Совершенно верно. А кто у нас сейчас в оперативном отделе? Вы. Вот и приступайте. Можете взять Уильямса. Барбер мне нужен самому: я его посылаю в Беркшир в связи с ограблением в Ньюбери. Там придется умасливать местную полицию — они в обиде, что Ярд вмешивается; у Барбера это лучше получится, чем у Уильямса. Ну, пожалуй, это все. И знаете, отправляйтесь-ка на Гоу-стрит прямо сейчас. Желаю успеха.

Полчаса спустя Грант уже беседовал с полицейским врачом на Гоу-стрит. Тот подтвердил, что, когда мужчину доставили в больницу, тот был уже мертв. Оружие убийства — тонкий, очень острый стилет. Его всадили в спину с левой стороны от позвоночника с такой силой, что рукоятка оказалась вжатой в ткань плаща; это образовало своеобразную прокладку, так что то небольшое количество крови, которое вытекло из раны, даже не просочилось наружу. По мнению врача, беднягу закололи минут за десять или чуть больше до того момента, когда очередь двинулась

вперед и он повалился. Зажатый в толпе, труп, вполне вероятно, мог какое-то время оставаться в стоячем положении. Более того, в такой давке упасть было просто невозможно. Врач считал, что мужчина вряд ли даже успел почувствовать удар. В плотной очереди, где вольно или невольно все друг друга жмут и толкают, мгновенный удар ножом, к тому же вряд ли особенно болезненный, вполне мог пройти незаметно.

— Хорошо. Теперь о человеке, который его заколол. Есть ли что-нибудь необычное в том, как он это проделал?

— Ничего. Могу лишь утверждать, что это человек сильный и к тому же левша.

— Это могла быть женщина?

— Нет, не думаю. У женщины на такой удар вряд ли хватило бы сил. Видите ли, там не было возможности замахнуться. Удар приходилось наносить из положения покоя. Нет, это определенно дело рук мужчины. Причем очень решительного.

— Есть какие-нибудь данные насчет убитого? — спросил Грант, который всегда высоко ценил суждения профессионалов.

— К сожалению, немного. Вполне упитанный — вероятно, в деньгах не нуждался.

— Уровень интеллекта?

— Думаю, высокий.

— Какого типа?

— Вы имеете в виду род занятий?

— Нет, с этим я разберусь сам. Я спрашиваю о том, что вы называете, насколько я знаю, темпераментом.

— А, понимаю.

Врач немного помолчал, задумчиво глядя в свои записи, и после некоторого колебания произнес:

— Вы, разумеется, понимаете, что тут за абсолютную точность ручаться нельзя?

Грант уверил его, что отдает себе в этом полный отчет.

— Я бы для себя отнес его к категории неудачников — тех, кому постоянно не везет. — При этом врач вопросительно взглянул на Гранта и, убедившись, что тот понимает, о чем речь, добавил: — У него лицо человека практического, но руки — мечтателя. Взгляните сами.

Они оба перевели взгляд на тело. Перед ними лежал молодой человек лет двадцати девяти — тридцати, белокурый, зеленогла-

зый, стройный, среднего роста. Руки, как справедливо заметил доктор, были тонкие, с длинными пальцами, руки человека, явно непривычного к физическому труду.

— Вероятно, ему приходилось проводить много времени стоя, — произнес доктор, бросив взгляд на ноги мужчины. — И ходил он не прямо, а немного загибая левой ногой.

— Как вы полагаете, чтобы нанести такого рода удар, убийце надо ли было обладать специальными анатомическими познаниями? — спросил Грант.

Казалось просто невероятным, чтобы такая едва заметная ранка могла привести к смертельному исходу.

— Вы имеете в виду, нанесен ли удар точно с медицинской точки зрения? О нет. А что до знаний в области анатомии, так теперь любой, кто прошел войну, обладает достаточными практическими знаниями в этой области. Скорее всего, удар был нанесен вслепую — просто угодил удачно.

Грант поблагодарил врача и перешел в соседний отдел, к полицейским. Перед ним на столе было разложено скудное содержимое карманов убитого. Малочисленность предметов вызвала у Гранта легкое разочарование: белый хлопчатобумажный носовой платок, горсточка мелочи (две полукроны, два шестипенсовика, один шиллинг, четыре монетки по пенни и один полупенсовик) и — совсем неожиданно — служебный револьвер. Платок был не новый, но без меток; револьвер заряжен.

В брезгливом молчании осмотрев эти предметы, Грант осведомился, есть ли метки прачечной на одежде. Таковых не оказалось.

— Никто не обращался по поводу его? Может, хотя бы наводили справки?

— Нет, никто не приходил, кроме одной сумасшедшей старухи: она готова забрать все трупы, которые подбирает полиция.

Ладно, он сам осмотрит всю одежду. И тут же приступил к делу, дотошно разглядывая один предмет за другим.

И шляпа, и ботинки были далеко не новые; последние поношены настолько, что наименование фирмы на внутренней стороне стерлось начисто. Шляпа была куплена в одной из торговых фирм, имевших магазины во всех районах Лондона и в провинции. И то и другое было добротным и еще вполне приличного

вида. Модный, даже слишком кричащего покроя синий костюм; то же самое можно было сказать и о сером плаще. Нижнее белье хоть и не самое дорогое, но хорошего качества; рубашка самого что ни на есть популярного оттенка. Короче, судя по одежде, этот человек либо сам любил хорошо одеваться, либо проводил время там, где придавали этому особое значение. Может, продавец в отделе готового платья? Меток прачечной, как и сообщили Гранту, действительно нигде не было. Это могло означать одно из двух: либо этот человек не хотел быть опознанным, либо все белье ему стирали дома. Поскольку следов того, что метки удалены намеренно, обнаружить не удалось, то наиболее вероятным представлялось второе. А вот бирочка с именем портного была спорота с костюма явно не случайно. Это, как и немногочисленность найденных предметов, определенно наводило на мысль, что человек хотел скрыть свое настоящее имя.

И последнее — стилет. Крошечное, коварное, хищно заостренное оружие. Серебряная ручка длиной около трех дюймов была выполнена в виде фигуры святого — с бородой и в должном одеянии. Кое-где на ней поблескивала цветная эмаль броских, грубоватых тонов, характерных для такого рода изображений в католических странах. Подобные кинжалы чаще всего можно увидеть в Италии или на южном берегу Испании.

Грант осторожно поворачивал клинок, внимательно разглядывая.

— Сколько человек держало его в руках?

В полицейский участок кинжал доставили из больницы сразу же, как вынули из раны. С того момента никто к нему не прикасался. Вот и хорошо! Но довольное выражение исчезло с лица Гранта, когда поступило сообщение о дактилоскопической экспертизе: отпечатков пальцев обнаружено не было. Ни один, даже самый смазанный отпечаток не осквернил собою сверкающее изображение католического святого.

— Н-да... — со вздохом произнес Грант. — Все это я забираю и приступаю к делу.

Снять отпечатки пальцев у убитого и обследовать револьвер на предмет возможных отличительных признаков он поручил Уильямсу.

По первому впечатлению пистолет был ничем не примечателен — вполне заурядное боевое оружие, какое после войны стало

в Англии таким же привычным предметом, как старые дедовские часы. Однако, как мы уже упоминали, Грант предпочитал опираться на суждения профессионалов.

Он тут же сел в такси и остаток дня посвятил беседам с теми семью людьми, которые в предыдущий вечер находились в непосредственной близости к неизвестному в момент его смерти.

По дороге он начал обдумывать ситуацию в ее различных вариантах. Он нисколько не обольщался надеждой, что предстоящие интервью со свидетелями как-то ему помогут. На первом допросе они все до одного отрицали всякое знакомство с убитым и теперь вряд ли откажутся от своих слов. Заметь они до этого рядом с убитым кого-либо или улови хоть что-то подозрительное — наверняка сказали бы сразу же. Грант знал по собственному опыту, что девяносто девять опрашиваемых из ста дают абсолютно никому не нужную информацию, а сотый — вообще никакой. К тому же, по словам врача, мужчина был заколот минут за десять до того, как это было замечено, а какой убийца станет оставаться рядом со своей жертвой и дожидаться, пока содеянное им будет обнаружено? Если даже допустить возможность бравады со стороны убийцы, то для любого здравомыслящего человека — а человек, заинтересованный, чтобы его не поймали, обязан мыслить здраво! — вероятность быть замеченным рядом с убитым была слишком велика, и он вряд ли стал бы подвергать себя такому риску. Нет, разумеется, тот, кто это сделал, успел отойти от очереди заблаговременно. Нужно отыскать кого-нибудь, кто, возможно, был свидетелем разговора между убийцей и его жертвой. Конечно, есть шанс, что никакого разговора не происходило; убийца просто встал позади, совершил задуманное, а потом незаметно ускользнул. В таком случае задача Гранта состояла в поисках того, кто видел, как тот уходил. Тут особые сложности не возникнут. Можно будет подключить прессу.

Грант стал мысленно прикидывать различные варианты — кто это мог сделать? Англичанин вряд ли воспользовался бы кинжалом. Если уж он решил отдать предпочтение холодному оружию, то избрал бы бритву и просто-напросто перерезал своей жертве горло; обычно же в подобных случаях он применил бы кастет или, на худой конец, револьвер. Нет, это не англичанин. Преступление было задумано и осуществлено с изобретательностью и изяществом, несвойственными англичанину. В самом способе было

нечто не мужское, и это наводило на мысль об итальянце-даго или, во всяком случае, о человеке, которому знакомы приемы даго. Моряк. Да, это мог быть матрос с одного из судов, курсирующих по Средиземному морю. С другой стороны, способен ли простой матрос додуматься до такого хитроумного способа — прикончить человека в очереди? Он, скорее всего, предпочел бы для расправы темную ночь и безлюдную улицу.

В замысле был привкус чего-то романтического — в итальянском духе. Для англичанина главное — поразить жертву, нанести смертельный удар. Способ и средство для него вещи второстепенные.

Эта мысль логически повлекла за собою и другую — о возможных мотивах, и Грант стал перебирать наиболее часто встречающиеся: кража, месть, ревность, страх. Первый отпадал сам собою. В такой давке опытный вор мог сто раз обшарить карманы, привлекая к себе не больше внимания, чем севшая на рукав муха. Мсть или ревность? Вполне вероятно, — даго известны своей нетерпимостью в этих делах: оскорбленная честь требовала смерти обидчика; неосторожная улыбка предмета обожания — и возлюбленный уже готов потерять рассудок. Возможно, мужчина с зелеными глазами — а он несомненно был привлекателен — встал между даго и его девушкой? Однако Гранту почему-то казалось, что причина убийства заключалась не в этом. Разумеется, он не исключал такой возможности, но полагал, что дело было не в ревности. Значит, в страхе? Может, тому, кто вонзил стилет в спину мужчины, предназначалась пуля из заряженного револьвера? Может, убитый грозился застрелить даго и тот устал пребывать в постоянном страхе? Или наоборот: убитый носил при себе оружие, но это не спасло его? Но как увязать с этим явное стремление погибшего скрыть свое имя? При подобных обстоятельствах револьвер скорее указывал на попытку совершить самоубийство. Тогда к чему было откладывать задуманное и зачем идти в театр? Какой иной мотив мог вызвать у человека желание остаться неузнанным? Перспектива быть схваченным полицией, угроза ареста? Может, он намеревался кого-то застрелить, но, готовясь к побегу, чтобы не попасться, решил скрыть свое имя? Возможно.

Одно казалось достаточно бесспорным: убитый и человек, которого Грант окрестил про себя Даго, были знакомы — иначе как

СОДЕРЖАНИЕ

УБИЙЦА В ТОЛПЕ, ИЛИ ЧЕЛОВЕК ИЗ ОЧЕРЕДИ <i>Перевод Е. Бросалиной</i>	5
ШИЛЛИНГ НА СВЕЧИ <i>Перевод Е. Бросалиной</i>	241
ДЕЛО О ПОХИЩЕНИИ БЕТТИ КЕЙН <i>Перевод Н. Ильиной</i>	461

Тэй Дж.

Т 96 Убийца в толпе, или Человек из очереди ; Шиллинг на свечи ; Дело о похищении Бетти Кейн : романы / Джозефина Тэй ; пер. с англ. Е. Бросалиной, Н. Ильиной. — М. : Иностранка, Азбука-Аттикус, 2023. — 672 с. — (Иностранная литература. Классика детектива).

ISBN 978-5-389-22777-4

Джозефина Тэй (наст. имя Элизабет Макинтош; 1896–1952) — знаменитая писательница, дочь шотландца и англичанки, признанный мастер британского детектива. В 1929 году она дебютировала с книгой «Человек из очереди», в которой впервые появился инспектор Скотленд-Ярда Алан Грант (впоследствии герой еще пяти ее романов). Инспектор доверяет собственной интуиции, но не безраздельно: он тщательно взвешивает все доказательства, внимательно слушает показания очевидцев; и даже если, казалось бы, все свидетельствует против подозреваемого, Алан Грант не оставит непроверенной ни одну улику. Словом, оказавшись в сложной ситуации, любой мечтал бы о таком добросовестном инспекторе полиции!

В сборник вошли три романа из цикла: «Убийца в толпе, или Человек из очереди» (1929), «Шиллинг на свечи» (1936) и «Дело о похищении Бетти Кейн» (1948). По мотивам второго из них Альфред Хичкок в 1937 году снял фильм «Молодой и невинный», по роману «Дело о похищении Бетти Кейн» созданы киноверсии 1951 и 1962 годов (под названием «The Franchise Affair») и телевизионный сериал 1988 года.

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

Литературно-художественное издание

ДЖОЗЕФИНА ТЭЙ
УБИЙЦА В ТОЛПЕ,
ИЛИ ЧЕЛОВЕК ИЗ ОЧЕРЕДИ

•
ШИЛЛИНГ НА СВЕЧИ

•
ДЕЛО О ПОХИЩЕНИИ БЕТТИ КЕЙН

Ответственный редактор Елена Адаменко
Художественный редактор Илья Кучма
Технический редактор Татьяна Раткевич
Компьютерная верстка Ирины Варламовой
Корректоры Светлана Федорова, Дмитрий Капитонов

Подписано в печать 20.03.2023. Формат издания 60 × 88¹/₁₆.
Печать офсетная. Тираж 3000 экз. Усл. печ. л. 41,16. Заказ №

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

16+

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака ИНОСТРАНКА®
115093, г. Москва, вн. тер. г. муниципальный округ Даниловский,
пер. Партийный, д. 1, к. 25

Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» в Санкт-Петербурге
191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1, комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

ПО ВОПРОСАМ РАСПРОСТРАНЕНИЯ ОБРАЩАЙТЕСЬ:

В Москве: ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
Тел.: (495) 933-76-01, факс: (495) 933-76-19
E-mail: sales@atticus-group.ru; info@azbooka-m.ru

В Санкт-Петербурге: Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
Тел.: (812) 327-04-55, факс: (812) 327-01-60. E-mail: trade@azbooka.spb.ru

Информация о новинках и планах на сайтах: www.azbooka.ru, www.atticus-group.ru

Информация по вопросам приема рукописей и творческого сотрудничества
размещена по адресу: www.azbooka.ru/new_authors/

A-1LD-31751-01-R